

УДК 81'271; 82.085; 808.5

ТИПЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУССИОННОМ ТЕКСТЕ

Н. В. Соловьёва

TYPES OF SPEECH BEHAVIOR IN THE SCIENTIFIC DISCUSSION TEXT

N. V. Soloviyova

Статья посвящена описанию типов речевого поведения языковых личностей на основе стратегических и тактических предпочтений участников дискуссионного процесса. В соответствии с коммуникативной целеустановкой автора – «кооперативное сотрудничество», «конкуренция», «идеологическая установка» – в научной дискуссии определены три типа речевого поведения – конструктивный, полемический и идеологический.

The article describes the types of language individuals' speech behavior on the basis of strategy and tactics preferences of the participants of the discussion process. In accordance with authors' communicative aims – "cooperative contributions" or "competition" or "ideological" – three types of speech behavior are defined in the scientific discussion – a constructive, a polemical and an ideological.

Ключевые слова: тип речевого поведения, языковая личность, научная дискуссия, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, толерантное речевое взаимодействие.

Keywords: type of speech behavior, language individual, scientific discussion, communicative strategy, communicative tactic, tolerance speech interaction.

Разработка типологии языковых личностей является одним из центральных направлений современной антропоцентрической лингвистики [А. Н. Баранов, Г. И. Богин, С. Г. Воркачев, Д. О. Добровольский, Б. А. Зильберт, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, О. А. Леонтович, М. В. Ляпон, В. Н. Нерознак, Т. М. Николаева, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, С. С. Сухих, А. М. Шахнарович и др.]. Определенные сложности в изучении этой проблемы возникают при выборе типологических параметров, поскольку их число может быть бесконечно в виду неисчерпаемой глубины самого понятия «языковая личность». В связи с этим перед антропологической лингвистикой встает задача систематизации параметров и признаков языковой личности, выходящих на типологический уровень, и создания общей и относительно целостной типологической концепции [7, с. 9].

Выделим три группы параметров, лежащих в основе классификаций типологических концепций. Во-первых, это уровневые типологии: например, типология «орфографическая языковая личность», где языковые личности дифференцируются по реализации орфографической способности (фонетико-, фонемо-, морфемо-, семантико- и условно-ориентированная орфографические способности) [22].

Во-вторых, аспектуальные типологии, где в качестве параметров выступают аспекты проявления языковой личности: профессиональный [6]; [26], гендерный [4], соционический [13], локальный («диалектная языковая личность») [10], жанровый («жанро-речевая личность») [14] и др.

В-третьих, функционально-речевые типологии: например, типология языковых личностей по их проявлению в функциональных стилях [5]. Широко известна типология внутринациональных речевых культур [8]; [21]; [24]; [27], где языковые личности дифференцируются по способу реализации дискурсивной деятельности (с учетом уровня владения/невладения литературным языком).

Интересными, на наш взгляд, следует считать критерии классификации, предложенные К. Ф. Седовым [17]; [18] – поведение языковой личности в конфликтных ситуациях, *степень владения/невладения* носителем языка *нормами жанрового поведения* [Курсив наш. – Н. С.]. Речевое поведение языковой личности внутри жанра предопределено стратегиями и тактиками внутрижанрового речевого поведения, поэтому, по мнению автора, *стратегические и тактические предпочтения* (способ оформления социального взаимодействия во внутрижанровом речевом поведении) могут выступать критериями для создания типологии языковых личностей. Например, по доминирующей установке на собеседника выделяется три типа языковых личностей – конфликтный, централизованный, кооперативный, каждый из которых представлен двумя подтипами – конфликтно-агрессивным и конфликтно-манипуляторским, активно-централизованным и пассивно-централизованным, кооперативно-конформным и кооперативно-актуализаторским – соответственно [17]; [18]; [19].

Отметим, что типы речевого поведения выявлены в результате анализа разговорного дискурса. Однако поведение языковой личности (политического деятеля) на основе стратегических предпочтений исследуется в политическом дискурсе [28]. В связи с этим представляется возможным использовать предложенную модель анализа в научных дискуссионных текстах, поскольку они также являются воплощением коммуникативных стратегий и тактик участников дискуссионного процесса, т. е. конкретных языковых личностей. Подчеркнем, что в данной статье типы речевого поведения языковых личностей рассматриваются только применительно к дискуссионной ситуации (ситуации конфликта, спора), вне научной дискуссии поведение говорящей личности ученого не анализировалось.

При изучении жанровых основ диалоговедения в научной дискуссии мы исходили из того, что научная дискуссия представляет собой коллективное

теоретическое исследование научной проблемы, которое должно ориентироваться на приращение нового научного знания [25, с. 105 – 106] и опираться на критерии научности [20, с. 29]. Одним из таких критериев, на наш взгляд, можно считать принцип толерантности речевого поведения, реализация которого предполагает уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога. Толерантность – это поведение человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, используя гуманитарные возможности. Соответствие научной дискуссии этому принципу означает «соблюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что другой может иметь принципиально отличную точку зрения, которую не обязательно принимать, но надо признавать ее право на существование...» [1, с. 87].

Мы дифференцируем жанры научной дискуссии и научной полемики с учетом целевой установки участников диалога: цель дискуссии – *достижение* определенного *согласия* в решении обсуждаемых вопросов; цель полемики – *победа* над другой стороной, утверждение собственного мнения, а не выработка взаимоприемлемых решений, т. е. в основе дискуссии лежит диалогическое взаимодействие, направленное на достижение коммуникативного согласия.

Коммуникативно-познавательная деятельность, реализуемая авторами дискуссионных текстов, связана с выражением отношения к идеям оппонента (оценочной деятельностью) и утверждением собственной авторской точки зрения в сознании читателя.

Исследуя тексты научных дискуссий в аспекте толерантности речевого взаимодействия, мы определили коммуникативные стратегии двух типов – *стратегии презентации другого* и *стратегии самопрезентации*, которые в зависимости от коммуникативной целеустановки исследователя могут быть как кооперативными (соответствующими принципу толерантности речевого поведения), так и некооперативными (отступающими от принципа толерантности речевого поведения). Коммуникативная целеустановка кооперативных стратегий – «кооперативное сотрудничество» – заключается в том, что участники дискуссионного процесса, убеждая друг друга, стремятся к установлению истины и получению нового знания. Коммуникативная целеустановка некооперативных стратегий – «конкуренция» – проявляется в том, что авторы, опровергая оппонентов, ориентированы на «победу» над ними.

Коммуникативные стратегии реализуются посредством коммуникативных тактик, поэтому именно тактические предпочтения участников дискуссии позволяют определить коммуникативную целеустановку, т. е. коммуникативное намерение автора (ср.: если речь идет о достижении частных целей в рамках того или иного *жанра* определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о *коммуникативных тактиках* – [28]).

Анализ текстов научных дискуссий показал, что стратегии презентации другого и стратегии самопрезентации реализуются в них по-разному. *Стра-*

тегии презентации другого, направленные на выражение авторского отношения к другому (оценивание другого), проявляются либо через «этикетные» тактики, либо через тактики опровержения оппонента, т. е. тактики дискредитации.

Стратегии самопрезентации связаны с утверждением авторской позиции и направлены на доказательство своей точки зрения, убеждение адресата. Они реализуются либо посредством тактик, ориентированных на формирование категоричности и уверенности и тактик убеждения адресата в правильности авторской позиции (персуазивных тактик), либо посредством манипулятивных тактик, демонстрирующих утверждение приоритета собственной позиции.

Этикетные и персуазивные тактики коррелируют с правилами убеждения Г. Ляйтнера [9, с. 24] и правилами ведения корректного спора [11, с. 338 – 345] и являются толерантными. Подчеркивается объективность аргументов, достоверность выводов, недопустимость некорректных приемов при опровержении позиции оппонента. Дискредитирующие и манипулятивные тактики, напротив, принадлежат к нетолерантным, поскольку отступают от правил ведения научных дискуссий в связи с использованием таких некорректных приемов, как отсутствие аргументации как рационального обоснования, игнорирование этических норм, искажение идей оппонента и др.

В ходе анализа материала мы обнаружили, что в научной дискуссии, которая «по законам жанра» предполагает кооперативное сотрудничество коммуникантов, встречается речевое поведение, характерное для полемики с ее установкой на соперничество и конфронтацию. На наш взгляд, эти различия обусловлены проявлением разных типов личностей авторов дискуссионных текстов. Как подчеркивает Т. Н. Колокольцева, «по отношению к каждой языковой личности можно говорить о доминирующем типе речевого поведения. В силу индивидуально-психологических особенностей, личностных установок, уровня образования и ряда других факторов выделяются субъекты, тяготеющие к гармоничному [толерантному речевому взаимодействию – Н. С.] или негармоничному речевому поведению [нетолерантному речевому взаимодействию – Н. С.]. Одни говорящие склонны к ведению диалога на паритетных началах, другие – к коммуникативному доминированию (лидерству) любой ценой» [12, с. 120].

В зависимости от стратегических и тактических предпочтений авторов мы различаем два типа речевого поведения в научной дискуссии – *конструктивный* и *полемический*. **Конструктивный тип** речевого поведения языковой личности демонстрирует установку на *другого*, уважительное отношение к оппоненту, стремление понять и осмыслить его позицию, что выражается в использовании толерантных (кооперативных) стратегий и тактик (например, тактики смягчения негативной оценки, снижения иллюктивной силы побудительного высказывания, приглашения к совместному размышлению и др.), эксплицирующих заинтересованность в коммуникативном сотрудничестве. В результате такого обсуждения дискуссия превращается в конструктивный

диалог, цель которого – получение и развитие нового знания.

Толерантное речевое взаимодействие не предполагает обязательного тождества смысловых позиций коммуникантов. Они могут в чем-то не соглашаться друг с другом и даже акцентировать различия точек зрения на что-либо, но при этом критические замечания выражаются в корректной форме и сопровождаются скрупулезным разбором. Например: *Как нам кажется, в решении вопроса о языковых стилях Ю. С. Сорокин допускает две серьезные ошибки – логическую и фактическую. Кратко остановимся на первой и подробнее осветим вторую. ...*

Логическую ошибку Ю. С. Сорокина мы здесь усматриваем в том, что, столкнувшись с трудностями классификации языковых явлений, он не только вовсе отказывается от всякой классификации, но и отрицает реальные различия между языковыми стилями, т. е. отрицает очевидные факты.

Чтобы нагляднее представить себе характер этой ошибки, приведем для сравнения два примера из классификации совсем других явлений [3, с. 56]. [Далее приводится объемная по содержанию аналогия, реализующая сопоставительную тактику, с целью объяснения причин затруднений и лучшего понимания их читателем. – Н. С.]

Для **полемического типа** речевого поведения, напротив, характерна негативная установка по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям оппонента, обусловленная стремлением видеть в нем конкурента. Научные отношения между субъектами познания носят конфронтационный характер, участники не принимают взглядов противоположных сторон, не заинтересованы в коммуникативном сотрудничестве (отстают от принципа толерантности речевого поведения). Как подчеркивает Н. Ф. Прошунин, «полемист может ставить перед собой исключительно задачу опровержения, т. е. задачу разрушительную, деструктивную, стремясь лишь показать несостоятельность утверждений противника и не предлагая свои идеи взамен» [16, с. 101]. В связи с этим полемист прибегает к тактикам, которые имеют целью «нейтрализовать» позицию оппонента (например, тактики иронизирования, апелляции к авторитетам, «наешивания» ярлыков и др.). В результате дискуссия подменяется полемикой, где не вырабатывается единого мнения, а следовательно, не происходит приращения нового знания.

Например: *Я тоже против "дополнения" ленинского определения какими-то другими признаками. Но если бы были возможны только два решения – N и S – я принял бы решение N, так как оно во всяком случае логически корректно и последовательно. Решение, предлагаемое S, во-первых, свидетельствует, с моей точки зрения, о непонимании автором ленинской постановки вопроса о материи и, во-вторых, о его неадаптах с элементарной логикой ...* [Полемический пафос автора направлен в отношении личности оппонента, что, как известно, является нарушением норм научной этики. – Н. С.]

Судя по публикациям, создается впечатление, что S вообще недостаточно глубоко знает произ-

ведения В. И. Ленина. Столь ответственное заявление я делаю исключительно в интересах S, так как иначе мне придется сказать, что он с «открытым забралом» выступает против В. И. Ленина [2, с. 74 – 75]. [В целях соблюдения корректности мы не приводим фамилии при цитировании. – Н. С.]

Подобные дискуссии И. М. Сидорова относят к дискуссиям негативного типа, которые имеют ряд отрицательных характеристик:

1) «противоречие воспринимается как ошибка или заблуждение оппонента»;

2) «у субъектов познания отсутствует ориентация на глубокое понимание гносеологических оснований идеи оппонента»;

3) «критика оппонента ведется на основе собственных гносеологических предпосылок, т. е. идеи и понятия оппонента лишаются своего контекста, часто доводятся до абсурда» [20, с. 56].

Исследуя тексты научных дискуссий в аспекте речевого взаимодействия, мы столкнулись с речевым поведением, которое не соответствует ни конструктивному, ни полемическому, поскольку демонстрируются идеологические установки. Речевое поведение **идеолога** характеризуется публицистичной манерой изложения (лозунговостью), выражением открытой враждебной (порой агрессивной) настроенности по отношению к оппонентам (тактики агрессии и атаки на оппонента), тяготением к семантическому противопоставлению «своих» и «чужих» (тактики поляризации, создания образа врага). По мнению В. А. Леглера, «для любой идеологии всегда существует опасность, что именно она будет признана незаконной. Отсюда вытекает своеобразное отношение идеологии к оппоненту. Оппонент в этом ракурсе – это не уважаемый собеседник, с которым можно обсуждать проблемы, как в любом виде дискуссии, а противник, враг, своим появлением и вообще существованием угрожающий самому существованию идеологии» [15, с. 70].

Приведем примеры: *Пропандист махизма Уэланд, замалчивающий советские работы и полностью игнорирующий теорию химического строения А. М. Бутлерова, извращающий историю развития теоретической органической химии, поднимается на щит проф. Сыркиным* [23, с. 189]; *Они [авторы – Н. С.] не дают материалистического толкования квантово-механических соотношений и не вскрывают несостоятельность попыток идеалистического истолкования этих соотношений со стороны буржуазных теоретиков. Устраняясь от освещения этих вопросов, отказываясь от борьбы за материалистическое учение о строении материи, авторы объективно делают услугу буржуазной идеологии в физике* [там же]; *... направляя внимание советских химиков по ложному пути порочной теории резонанса, авторы тем самым демобилизуют советскую химическую науку в борьбе за выполнение основной задачи советских ученых – «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны (Сталин)»* [там же].

Таким образом, в научной дискуссии в зависимости от коммуникативных целеустановок исследователей были выявлены три типа речевого поведения – *конструктивный, полемический, идеологический*, соотносимые с типами личности авторов. Представляется, что разработка типологии поведения языковых личностей в научном дискуссионном тексте может быть интересной в плане сопоставления индивидуальных авторских стилей.

Литература

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 364 с.
2. Баженов, Л. Б. Некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова / Л. Б. Баженов // Философские науки. – 1974. – № 5. – С. 74 – 78.
3. Будагов, Р. А. К вопросу о языковых стилях / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 54 – 67.
4. Булохов, В. Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся / В. Я. Булохов. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – 104 с.
5. Бушев, А. Б. Языковая личность как способность к субъязыкам. – URL. – Режим доступа: // <http://humanities.edu.ru>.
6. Внучкова, Т. Н. Профессиональный аспект типологии языковой личности / Т. Н. Внучкова // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 112 – 122.
7. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология как научная дисциплина, изучающая языковую личность / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 7 – 10.
8. Гольдин, В. Е., Сиротинина, О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – С. 16 – 38.
9. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-акад. обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13 – 40.
10. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – 312 с.
11. Ивин, А. А. Основы теории аргументации: учебник. – М.: Владос, 1997. – 352 с.
12. Колокольцева, Т. Н. Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге) / Т. Н. Колокольцева // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. – С. 114 – 125.
13. Комиссарова, Л. М. Лингвосоциологическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака) / Л. М. Комиссарова: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002.
14. Лебедева, Н. Б. Языковая личность в жанровом измерении: проблемы типологии / Н. Б. Лебедева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 132 – 136.
15. Леглер, В. А. Идеология и квазинаука / В. А. Леглер // Философские исследования. – 1993. – № 3. – С. 68 – 82.
16. Прошунин, Н. Ф. Что такое полемика? / Н. Ф. Прошунин. – М.: Политиздат, 1985. – 335 с.
17. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи-2: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. С. 13 – 26.
18. Седов, К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. С. 3 – 29.
19. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении / К. Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Колледж, 2000. – С. 6 – 12.
20. Сидорова, И. М. Дискуссия в структуре научного знания / И. М. Сидорова. – Рыбинск: РГАТА, 1998. – 98 с.
21. Сиротинина, О. Б. Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – М.: РАН. – № 4. – 1995. – С. 3 – 21.
22. Татаринцева, Е. Н. Портреты коллективной и индивидуальной русских орфографических языковых личностей (на материале эксперимента) / Е. Н. Татаринцева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 37 – 50.
23. Татевский, В. М. Об одной махистской теории в химии и ее пропагандистах / В. М. Татевский, М. И. Шахпаронов // Вопросы философии. – 1949. – № 3. – С. 176 – 192.
24. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
25. Урсул, А. Д. Гносеологические особенности научной дискуссии / А. Д. Урсул // Вопросы философии. – 1978. – № 3. – С. 104 – 109.
26. Харченко, Е. В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики / Е. В. Харченко // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. под ред. Н. В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 117 – 129.
27. Шалина, И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд / И. В. Шалина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 20 с.

28. Шапочкин, Д. В. Языковая личность в политическом дискурсе. – URL. – Режим доступа: // www.russian.slavica.org.